

A silhouette of a woman crouching on a beach, looking down at the water. The scene is set at sunset or sunrise, with a warm orange and yellow glow on the horizon. The sky is filled with soft, wispy clouds. The water in the foreground is calm, reflecting the woman's silhouette and the colors of the sky. The overall mood is serene and contemplative.

лен гроссман

ЖЕСТОКИЕ ЗВЕЗДЫ

18+

Лен Гроссман
Жестокие звезды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гроссман Л.

Жестокие звезды / Л. Гроссман — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Как приручить удачу? Ничего себе вопросик, скажете вы, нас много, а удача, одна! На самом деле это не так, и если соблюдать несколько простых правил, то у каждого в руках будет не по скучной синице, а по синей птице по имени «Удача». Прежде всего, не рекомендуется отклонять чье бы то ни было приглашение, независимо от того, каким бы странным или, наоборот, каким бы простым, на первый взгляд, оно не казалось. Кроме того, ничему не удивляйтесь; удаче, для того, чтобы она не боялась клевать зернышки с вашей ладони, нужно к вам привыкнуть. И не пытайтесь заранее угадать, чем закончится этот день. Тем более, этот вечер. И вот тогда...

Содержание

Портрет с призраком	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Портрет с призраком (история 1-ая)

– Это – за работу.

Он взял протянутый конверт. Неспешно, с весомым мужским достоинством. Как обычно брал плату за разноцветный свой труд.

“Аккуратная. Плату подает в конверте. И конверт такой, каким следует пользоваться в случаях, как этот. Тощий, как смерть. Все, как положено”, – подумал он.

Подумал не о деньгах. О своем заработке.

Деньги стоили дорого. Или ему, просто, не везло.

Конверт уютно поместился в задний карман джинсов. Он знал, что там, внутри, одна, сложенная вдвое, купюра. Догадаться о ее достоинстве, тоже, было не трудно, – как договаривались.

Заскорузлой ладонью, как утюгом, он провел по карману джинсов, и завершил жест, припечатывая к плотному текстилю выглядывающую белую кайму конверта. Теперь можно было не опасаться, что ему удастся донести не Бог весть какой заработок до дома, не выронив конверт, по случайности, по дороге.

Он был в бизнесе не первый год, и потому успел обзавестись полезным талантом взвешивать клиентов на весах безошибочного взгляда. Заказчиков, вроде нее, он называл привычным словом – “Джексонс”. В память о президенте Эндрю Джексоне, портрет которого украшал двадцатидолларовую купюру.

В мыслях он был уже дома, за столом, на котором, рядом с крохотной миской простого салата стояла тарелка с вареной колбасой, поджаренная так, как он любил, до золотистой корочки на гранях. Зрелище было настолько реальным, что он даже чуточку наклонился вперед, как над только что приготовленным для себя, нехитрым ужином, втянул ноздрями терпкий аромат майорана зажмурился от удовольствия и едва слышно прошептал:

– Па-ризь-ен... .

Он уже не помнил, откуда взялось и по какой причине обосновалось в его словаре это слово, он не знал, что оно означает, но, почему-то, всякий раз, стоило ему склониться над аппетитно пахнущими, свежеподжаренными ломтиками колбасы, ему на ум всегда и неизменно приходило это странное слово.

Только сейчас он вспомнил, что, кажется, забыл поблагодарить за деньги.

– Спасибо.

Она чуть заметно кивнула, и на ее губах заиграла еле заметная улыбка, смысл которой легче всего было расшифровать: и это всё?

Нет, она понимала, что пора попрощаться, но, почему-то, по-прежнему выжидательно, смотрела на него.

Он догадался, почему. Принюхивается. Едкий запах краски доносился даже сюда, в жилую комнату, сквозь плотно притворенную дверь, что вела в гараж. Там он занимался покраской. Или же всё обстоит еще хуже, и это от его волос так разит душным запахом малярки?

Ничего не поделаешь: издержки профессии. И нет специального одеколona для маляров, чтобы придушить запах. Отвратительный запах профессии, с которой он, пока что, мирился, поскольку она его худо-бедно кормила. Масляная краска – это вам не туалетная водичка с влекущей ноткой мужского пота, для настроя к растворенной в ночи встрече. Той, что непременно закончится в постели!..

Только сейчас он обратил внимание на то, что повисшему между ними молчанию не мешают шумовой фон. Точно также, как и он, она не могла жить без телевизора, на экране которого разноголосые спорщики неизменно сходились в одном: всё идет, как надо.

На этот раз, комментатор новостей уверял, что если Дау-Джонс в течение следующих пяти минут похудеет, в общей сложности, на четыреста пунктов, это не к добру. Впрочем, телевизор предавался печали недолго. Пророка финансовых потрясений на экране сменило лицо президента. Он улыбался вопреки всем плохим новостям на свете. Было заметно, он знает: его нельзя не любить, и только по этой причине, он позволяет людям то, без чего они никак не могут. Президент сказал, что сейчас не время заниматься импичментом, потому что он и экономика – одно и то же, и что без него все тут рухнет.

Комментатор объяснил, что показанный фрагмент выступления президента был сделан вчера, а сегодня президент уже успел объяснить тем, кто в экономике разбирается не так хорошо, как он, что происшедшее – вина директора банка Федерального резерва, и что, слава Богу, он, президент, не спит, и что страна уже может почувствовать благотворное влияние нового директора банка, и что теперь-то уж, сами понимаете жизнь пойдет совсем другая...

Сразу после этих слов, подкрепленных лучезарной улыбкой, президент принялся уверять, что хотя его миссия по наведению порядка в том беспорядке, который достался ему от предыдущего президента, уже выполнена, он, тем не менее, не перестает трудиться на всеобщее благо, и что никогда еще не было вокруг него не было так хорошо, как сейчас.

Все это время он исподтишка, стараясь не слишком докучать непрошеным своим вниманием, переводил взгляды с экрана телевизора на нее. И, разумеется, как это сделал бы любой другой мужчина на его месте, оценивал, поневоле.

Хорошая, судя по всему. Простая. Без выкрутасов и реверансов, чтобы только цену себе набить. Понятная. В общем, как варенка. В смысле, лучше не бывает. Такая же, как он сам. Остается непонятным, зачем ей понадобилось обновлять копеечный столик, выполненный с претензией под старину, маслом!..

Как всегда при такой вот нелепице, он, разумеется, спросил, что она собирается делать с обновленной мебелью.

Сказала, готовит для продажи.

Он, разумеется, поперхнулся и переспросил в надежде, что ослышался, что, мол, работать придется, все-таки, не с маслом.

Но она сказала, что с маслом будет лучше. Потому что цену тогда можно будет назначить другую, не такую, как если покрыть водоземлюсионной.

Он добавил и объяснял, что умеет восстанавливать утраченную мебелью античный лоск, и что если она позволит ему это сделать, только, разумеется, за другую цену, то и продать вещь можно будет за другую сумму.

Но она сказала, что у нее глаз на верняк давно набит, и что крыть надо маслом.

Он внимательно посмотрел на нее, но не стал возражать, отозвался с наигранной охотой в голосе:

– Маслом, так маслом! – и потер заскорузлые ладони, в знак готовности и в подтверждение своих слов.

Отсюда и результат. Запах. В гараже. И даже в жилой комнате ее дома.

Она набралась смелости, спросила:

– Голоден?

– Супермаркет напротив. Буду выезжать, заеду за колбасой. Дома поджарю ее, сотворю салат на скорую руку и назову это ужином.

– А у меня фетгучини. С цыпленком. Готовила не для тебя. Для другого. Он должен был позвонить, – сказать, придет – не придет. Не позвонил. Значит, не придет. Не знаю, почему. В общем, можем поужинать вместе. Не выбрасывать же цыпленка, верно?

– Та, часом, не рекламой пробавляешься?

– А что?

– Хорошо получается.

– Нет, я – служитель культа.

– Тогда я, пожалуй, пойду. Мне еще пива купить надо.

– Испугался?

Он не ответил, а она, все еще, не знала, почему, поняла, что не хочет его отпускать.

– Торопишься?

Он снова промолчал.

И тогда она поняла, что хотя он, как все нормальные мужики, предпочитает не иметь дела со СПИДом, полицейскими и служителями всяких там культов, ему тоже не хочется уходить. Хотя сам он этого еще не понял.

Но чтобы он остался, нужно было что-то придумать. И она не нашла ничего лучше, как воспользоваться тем, что, казалось, навсегда врезалось в память. Заранее заученный, правда, совсем для другого повода, текст оказался, как нельзя, кстати.

Сколько тысяч раз она произносила его, чуточку нараспев, перед каждой парой клиентов из тех, кому хотелось покончить как можно скорей с брачной церемонией, и приняться, наконец, за дело, по которому истомились их тела, – за то самое, ради чего вся, копеечная эта, церемония, и плутоватая торжественность, да и она сама, липовая служительница своего липового культа!..

И вот уже призывная речь, составленная так, чтобы произвести максимум впечатления, сама собой полилась у нее изо рта. Было видно, что телевизор, продолжающий дарить эфир лучезарными улыбками господина президента, ей ничуть не мешал. Голос комментатора не умолк даже тогда, когда президент попытался подыскать достойное сравнение себе и делам своим, как он сказал, воистину нерукотворным. Видно было, что он делает, прямо-таки, нечеловеческие усилия, пытаясь отыскать в прошлом страны хоть кого-нибудь, хотя бы в малой степени способного помериться величию с ним, еще живым, еще не воплощенным либо в мраморе, либо в граните на месте Статуи Свободы. Увы, ему это так и не удалось.

– Я – лицензированный представитель культа любви!..

Напевный речитатив полился изо рта с усталой заученностью.

– Я действую в точном соответствии с законами штата Невада. У меня есть лицензия, – роскошный жест в сторону гаража, в котором стояла ее машина, в багажнике которой, на самом дне картонного ящика – в нем удобно переносить продукты, купленные в супермаркете, – хранилась сложенная вчетверо бумажка.

– Эта лицензия дает мне право соединять священными узами брака любящие сердца. Мой сервис доступен каждому желающему сочетаться браком. С кем-угодно. И тут же, без паузы:

– Ты – гей?

– Ты, что, рехнулась?!..

Она сделала вид, что не услышала ответа, но было понятно, что, все-таки, услышала, иначе чем объяснить, что она, ни с того ни с сего, затараторила вдруг с впечатляющим энтузиазмом:

– Мой сервис доступен каждому. С моей помощью, свадьба в Лас-Вегасе станет самым памятным событием вашей жизни. А расходы – о них можно только мечтать: какие-нибудь девяносто девять долларов и девяносто девять центов. Причем, в эту цену всё включено: и сервис, и рент букетика шелковых цветов для невесты – если их не трогать, то они смотрятся почти, как настоящие. В любом другом месте одни только цветы обойдутся вам во столько, сколько у меня стоит вся церемония! Но и это еще не все плюсы, которые включены в мой сервис! В дополнение ко всему перечисленному, я готова, по первому требованию, предоставить визитную карточку фотографа, студия которого располагается вот за этим, – очередной

широкий жест, – углом. И это совершенно бесплатно! В общем, за деньги, которые вы без труда зарабатываете за один-единственный день, я обеспечу вас гарантией супружеского счастья на всю оставшуюся жизнь.

Она поправила спавшую на лоб прядь и только тогда добавила.

– Так спрашивается, молодожены в моей церкви любви, какого еще черта вам надо? Тем более что сейчас самое время открыть мой главный секрет. В качестве бонуса, я могу провести всю вашу свадебную церемонию на фоне умопомрачительной часовни. Она находится вон там, – округлый жест, завершившийся, где-то за спиной. – И если вы захотите, то сможете посетить ее после церемонии. Чтобы убедиться в том, сколько именно вы сэкономили на своей свадьбе!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.